

ТЕМА НОМЕРА: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23

КОГНИТИВНЫЕ МАТРИЦЫ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ НОВОГО ТИПА

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи в систематизации технологий политических манипуляций массовым сознанием в рамках выдвигаемого положения о когнитивных войнах.

Процедура и методы исследования включают анализ применяемых манипулятивных технологий на основании теоретических разработок по проблематике войн и революций нового типа, управления массовым сознанием, а также практик современного политического противоборства. Методологической основой проводимого анализа являлся аксиологический подход, в рамках которого технологии манипуляции рассматривались как производное от парадигмальных (ценностно-целевых) оснований политических конфликтов.

Результаты проведённого исследования содержат доказательство выхода современных политических конфликтов на уровень противоборства когнитивных матриц и систематизации технологий манипуляций как поражения матричных оснований сознания противника.

Теоретическая/практическая значимость определяется осмыслением феномена войн и революций нового типа в рамках понятия «когнитивная война», и в возможностях использования при реализации задач повышения национальной безопасности России в рамках противодействия технологиям когнитивного воздействия со стороны потенциальных противников.

Ключевые слова: когнитивная война, когнитивная матрица, манипуляция массовым сознанием, политические технологии, образ врага, политический миф.

COGNITIVE MATRICES OF MANIPULATION TECHNOLOGIES IN WARS AND REVOLUTIONS OF A NEW TYPE

V. Bagdasaryan

Moscow State Region University

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To examine manipulation technologies used in wars and revolutions of a new type, as well as to generalise existing technologies of political manipulation of mass consciousness drawing on the author's concept of cognitive wars.

Procedure and research methods. Widely used manipulation technologies were analysed on the basis of theoretical developments concerning wars and revolutions of a new type, mass control, and modern political conflicts. The methodological basis of the analysis was an axiological approach, in which manipulation technologies were considered as a derivative of the paradigmatic (value-targeted) foundations of political conflicts.

Results: It is shown that modern political conflicts exist on the level of cognitive matrices, implying that, using manipulation technologies, conflicting parties strive to affect and transform the consciousness of their opponents. The empirical data were illustrated by examples of manipulation of the population's consciousness during the demise of the USSR.

Theoretical / practical relevance. The paper analyses wars and revolutions of a new type in the context of the 'cognitive war' concept. The findings can be useful for solving state tasks directed at increasing the national security in terms of counteracting cognitive manipulations from potential adversaries.

Keywords: cognitive wars, cognitive matrices, mass consciousness manipulation, political technology, image of the enemy, political myth

Актуальность запроса на исследование когнитивных матриц в войнах нового типа

За последние годы тематика войн и революций нового типа преодолела в отечественном политологическом пространстве порог маргинальности и вышла на уровень самостоятельного научного направления. Дальнейшее ее развитие видится в уточнении методологических подходов как к контенту, так и базовому категориальному аппарату.

Широко применяемые в настоящее время в отечественной политологической литературе понятия «информационные войны» и «информационно-психологические войны» для раскрытия сущности методологии ведения войн нового типа представляются инструментально полезными и сыгравшими свою роль в раскрытии темы, но в полной мере недостаточными [7; 8; 11; 14; 23; 25; 26; 28; 29; 30;

31; 32; 35; 36; 38; 41]. Противоборство, безусловно, ведется на уровне информации, и, в отличие от классических войн, войны этого типа имеют преимущественно не физическую, а психологическую направленность. Но такая дефиниция не позволяет увидеть главного противоборства на уровне когнитивных матриц. Информация подчиняется этим матрицам и структурируется на их основе. Борьба идет в конечном итоге в координатах смысловых парадигм. В этом отношении, не отменяя понятия «информационно-психологическая война», целесообразно использовать также понятия «когнитивные войны». Цель таких войн – не просто подавить волю противника, но подчинить его сознание. Распад Советского Союза, как следствие поражения в «холодной войне», явился в сути своей поражением в войне когнитивной, тогда как в других составляющих соперничестве

ства с Западом проигрыш СССР не был очевиден. Понятия «когнитивная война» и «когнитивное оружие» уже прошли апробацию в политологическом дискурсе, показав значимые потенциалы для объяснения происходящих политических процессов [4; 34; 37; 48, с. 301–322].

Информация сама по себе еще не является средством политической борьбы. Для того чтобы она стала таковой, она первоначально интерпретируется тем или иным образом. Далее интерпретированная информация генерализируется, то есть обобщается, будучи подведена под общую типологию или закономерности. Наконец, происходит встраивание ее в исходную когнитивную матрицу. Собственно, современная политическая борьба и есть борьба различных когнитивных матриц. Тот, кому удастся распространить свою матрицу и разрушить матрицу противника, и одерживает в итоге победу. Все технологии производны от матричных оснований и подчинены установке обеспечения доминанты матрицы.

В этом отношении собственно информационного уровня осмысления борьбы недостаточно. Необходимо наличие понимания борьбы на уровне концептуальном и парадигмальном, что, собственно, и составляет матрицу сознания. Но, к сожалению, эти уровни борьбы не осмыслены пока и методологически не проработаны в должной мере. Цель проводимого рассмотрения как раз и заключается в проведении такой общей проработки на предмет соотношения технологий манипулирования массовым сознанием с моделью когнитивных войн нового типа.

Теория и практика манипуляции массовым сознанием в контексте войн и революций нового типа имеет широкий корпус научной и публицистической литературы. Особое место в развитии темы принадлежит книге С. Г. Кара-Мурзы, благодаря которой соответствующее понятие и получило распространение в отечественном политологическом дискурсе

[16]. Однако приходится констатировать, что технологии манипулирования все еще нуждаются в систематизации и классификации [13]. Главной же проблемой в раскрытии темы является реконструкция связи технологий с парадигмами. В представленном исследовании этот уровень определяется как когнитивный.

Методологическую основу исследования составил аксиологический подход в объяснении социальных процессов, получивший развитие в рамках соответствующей научной школы Московского государственного областного университета. Сообразно с ним технологии (в данном случае технологии манипулирования массовым сознанием) являются производными от ценностей и целей субъекта управления, выступая в качестве средств управленческой реализации [6].

Приемы манипуляций в политической коммуникативистике

Различные приемы манипуляций в политической коммуникативистике используются столь же давно, сколь давно существует сама политическая коммуникация. Наиболее распространены следующие манипулятивные приемы: негативные коннотации; универсальность высказываний; генерализация отдельных прецедентов; использование неопределенного референтного индекса («как известно ...»); оперирование эмоционально-оценочными понятиями вместо нейтральных; применение модальности долженствования; размытость критерия оценки; ложные метафоры, не относящиеся к сути раскрываемой проблемы; апелляция к общепринятой норме; коммуникативный саботаж и др. Фактически все перечисленные приемы используются сегодня, в частности, в антироссийской исторической пропаганде. Так, к примеру, размытость критерия оценки позволяет преподносить репрессии в российской истории как некую патологию на мировом фоне, а прецеденты драматических событий представлять в качестве

парадигмальных характеристик прошлого России.

Технологии деконструкции картины мира

Общая схема манипуляции массовым сознанием может выстраиваться на основании двух базовых подходов – с опорой на картину мира манипулируемого сообщества и при ломке этой картины мира. Начинается и в первом и во втором случае с анализа существующей картины мира, ее матричных оснований. При реализации первого подхода должен быть сформирован контент, соотносимый с мировоззренческой матрицей манипулируемой группы. Противоречие с ней будет обрекать все дальнейшие усилия на неудачу. Из этого контента следуют два идентификационных посыла. Один посыл состоит в поощрении идентичности, психологическом комплименте единомышленника, формулировке «мы – свои». Второй посыл, сообразно с этой схемой, заключается в определении образа врага, проведении в отношении всего связанного с ним негативных коннотаций. Далее уже осуществляется переход к практической политике – моделируется событие, встраиваемое в мировоззренческую систему координат мира, разделенного на своих и чужих. Состоявшееся событие получает, наконец, информационное закрепление. Информация, таким образом, нанизывается на парадигмальную когнитивную матрицу сообщества. Но для начала эта матрица должна быть выявлена.

Именно в этой схематической развертке осуществлялась борьба с СССР на ранней перестроечной фазе. Первоначально информация встраивалась в советскую систему ценностей, с опорой на веру в социализм и сакральность фигуры Ленина. Это обеспечивало принятие народом многого из того, что впоследствии было обращено против системы. На поздней стадии перестройки использовался уже второй подход, состоящий в ломке

мировоззренческой матрицы манипулируемой группы [3].

Второй манипулятивный подход заключается в осуществлении смены мировоззренческой парадигмы. Очевидно было, в частности, что при сохранении советской мировоззренческой системы и системы идентичности демонтаж социализма и ликвидация СССР будут невозможны и, соответственно, для их осуществления требовалось первоначально разрушить советскость на уровне мировоззрения. На первом этапе разворачивается процесс целевой эрозии прежней картины мира. Это достигается через приемы фрагментаризации большого нарратива; нивелировки главного и акцентировки деталей; усилении внутренних ценностных противоречий; создании противоречий идентификаторов.

Смешение главного и второстепенного в системе объективно приводит к тому, что отдельные элементы системы, как на уровне ценностей, так и идентификаторов, вступают в противоречие друг с другом. В итоге подпорки мировоззренческой системы подтачиваются, но она еще стоит на прежних конструкциях, внешне производя впечатление монолита. Такое впечатление производил на многих и поздний СССР. Для обрушения же самих конструкций требуется непосредственное целевое торпедирование прежней картины мира. Такое торпедирование в отношении СССР («первый залп») было предпринято во время журнальной исторической кампании в связи с семидесятилетием Октябрьской революции. Результатом произведенного торпедирования является когнитивный шок, следствием которого является отказ от прежней мировоззренческой системы. Формируется в итоге новая картина мира и новая идентичность.

Технологии формирования образа врага

Любая система предполагает наличие образа врага. Этот образ используется

в качестве мотиваторов для политического действия. При отсутствии врагов реальных образ врага конструируется искусственно [19]. Исходной основой соответствующей технологии является идентификация зла в существующей системе координат соответствующей общности. Зло, как базовая противоположность добра, имеется в любой общности и связано с социогенезом. Находятся, далее, нормативные, закрепленные в общественном сознании образы зла. Далее – в отношении сил или персон, которые предполагается определить в качестве врагов, проводятся аналогии с установленными образами нормативного зла. Первоначально эти аналогии носят характер метафор, но затем и прямого уподобления. И вот конструируемый образ врага готов, будучи идентифицирован в качестве нового выражения зла.

Важным является показать, что это зло – не отвлеченное, а представляет практическую угрозу для каждого представителя общности персонально, выступает как анти-Я. Итог – общность борется с номинированным новым врагом, прочитываемым в качестве эманации онтологического зла. В этом отношении категории добра и зла, неоправданно выхолощенные сегодня в отечественном политологическом дискурсе, являются категориями не только политической метафизики, но и реальной политики [45].

Пример использования технологии маркировки врага на основе встраивания образа противника в когнитивную матрицу зла дает, в частности, распространение теории тоталитаризма. Суть теории состояла в уподоблении друг другу советского и нацистского режимов. Нацизм был осужден Нюрнбергским трибуналом и определен международным сообществом как зло, крайняя форма проявления человеконенавистничества. С началом «холодной войны» главным врагом для Запада оказывался уже СССР и позитивное отношение к нему в массовом сознании народов мира должно

было быть вытеснено негативным отношением. Это и обеспечивала отчасти теория тоталитаризма. Суть ее состояла в уподоблении советского коммунизма германскому нацизму. На СССР переносилась маркировка в качестве субъекта зла, вначале – подобного по определенным аспектам, а далее – тождественного ему. В итоге же ввиду того, что Германия прошла очистительную процедуру денацификации, Советский Союз представал уже как главное зло. Когда же пала коммунистическая идеология, матрица тоталитарности была перенесена на Россию, и именно она стала выдаваться в качестве фактически главного врага «свободного мира» [1; 2; 39; 40].

Технологии воздействия на сферу бессознательного

Открытие сферы бессознательного позволило вывести технологии манипулирования человеком на принципиально новый уровень возможностей. Манипулировать сознанием человека или группы теперь стало возможным не через воздействие на само сознание, а опосредованно – через бессознательное. Вместо убеждения включался механизм латентного программирования. В этом отношении Карла Юнга можно считать создателем методологии, положенной в дальнейшем в основание войн и революций нового типа.

За пластом сознания, сообразно с юнговской методологией, находятся личное, родовое и коллективное бессознательное, а также самость – глубинное ядро личности. Личное бессознательное активируется при использовании в манипулятивных целях комплексов неполноценности и превосходства человека, полученных им психологических травм. При выходе на уровень родового бессознательного целевое воздействие происходит на поколенчески передаваемую память предков, при погружении до глубин коллективного – на базовые архетипы. Психоанализ говорит также о феномене «тени», как

запретных для человека желаний, вытесняемых сознанием в силу их запретности, в глубинные посты бессознательного. Но при манипулятивных задачах, в частности, при провоцировании революционного взрыва, запретные желания могут быть целевым образом пробуждены [46; 47].

Технологии борьбы за культурную гегемонию

Наряду с Юнгом принципиальное значение в развитии методологии манипулирования массовым сознанием в политических целях сыграл Антонио Грамши. Принадлежность его к марксистскому направлению не отменяет возможность использования грамшианской методологии в реализации целевых установок с позиций иных идеологий. Так, воспринявшие идеи итальянского теоретика сторонники движения «новых правых» часто позиционируют себя как «грамшианцы справа» [15]. Суть теории Грамши состоит в том, что политическая борьба есть в сути своей борьба за культурную гегемонию. Борьба за культурную гегемонию ведется по всему пространству бытия человека – на уровне литературы, апелляций к истории, моды, спорта, бытовых разговоров, анекдотов и т. п. Итог – обеспечение легитимности одних политических сил и делегитимизация других. Захват власти остается важнейшей составляющей борьбы, но только как технологический акт, подготовленный системной пропагандой в сфере культуры [10].

Эти положения Грамши, безусловно, модернизировали марксизм, демонстрируя факторное значение того, что определялось в марксистской традиции в качестве надстройки. Однако принципиальное значение пропаганды признавалось и классиками марксизма. В духе грамшианской методологии звучит, например, высказывание В. И. Ленина, сделанное им в 1905 г.: «Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции» [21, с. 159].

В практическом смысле для политических акторов применение грамшианской методологии означает решение задачи доминанции в общественном дискурсе. Кто контролирует дискурс, тот формирует повестку дня. Кому удастся установить свой контроль над формированием повестки дня, тот определяет принятие политических решений. Контроль за принятием решений – это и есть собственно политическая власть.

Технология расширения рамок допустимого

Технология расширения рамок допустимого еще задолго до представления ее в 1990-е гг. вице-президентом Маккинакского центра публичной политики Джозефом Овертоном использовалась в реалиях межгосударственной политической борьбы, и в частности, в борьбе против СССР. Технология построена на включении в пространство возможного элементов, которые исходно в ней считаются немислимыми. Постепенно элементы легитимизируются, вырастают в систему, подменяют ее базовые основания, и в итоге она разрушается. Особенность технологии, получившей название «окна Овертона» состоит в том, что на начальном этапе система не критикуется, так как критика не будет воспринята подавляющим большинством адептов.

Разве восприняли бы советские граждане критику социализма, если бы реформаторы начали с нее? Напротив, в рамках демонстрируемой приверженности социализму развертывалась критика «буржуазных концепций». Но эти концепции, первоначально заклеенные, включались в информационное пространство. Именно из «критики» и получали изначально советские граждане информацию об антисоветском дискурсе. Далее степень критичности ослабевала, начинали высказываться предположения, что оппоненты правы. И как итог переход к позиции – безусловно правы они. В концепции «окон Овертона» последовательность

расширения пространства допустимого – «открытия окна» выражалась следующим алгоритмом – немислимое, радикальное, приемлемое, разумное, и, наконец, стандартная, действующая норма [9].

Технологии навязывания коллективного мнения

Матрица восприятия человеком окружающего мира может формироваться как за счет принятия стандартов коллективного мышления, так и принятия позиции «критически мыслящих личностей» – разрушителей стереотипов. Обе технологии – навязывания коллективного мнения и взрыва групповых подходов за счет атаки активных критиков используется при манипулировании массовым сознанием. Два психологических эксперимента – исследование Соломона Аша и исследование Сержа Московичи раскрывают различные стороны этой проблемы. Эксперимент Аша показывал влияние нормативной позиции большинства на принимаемые человеком мнения и решения. Эксперимент Московичи показывал возможности манипулятивного влияния активного меньшинства.

Первый эксперимент получил свое наименование по имени американского психолога, уроженца Польши, заведующего кафедрой психологии в знаменитой Новой школе социальных исследований, позиционируемой как Университет в изгнании, организованной для ученых, вынужденных эмигрировать из Европы в период нацизма по политическим и национальным мотивам. Эксперимент был проведен Ашем в 1951 г., и его результаты описаны им в сборнике «Группы, лидерство и люди». Тема лидерства являлась, таким образом, в эксперименте ключевой. Для испытания приглашалось 8 человек будто бы для проверки зрения. В действительности семеро из восьмерых участников эксперимента являлись помощниками экспериментатора и только один был испытуемым. Ложные испытуемые давали при опросе заранее неверный

ответ, и проверялось, насколько настоящий испытуемый будет подвержен влиянию коллективного мнения. Вопрос был простейшим – определить длину нарисованных отрезков, и не предполагал, казалось бы, особых сомнений. Тем не менее 75% настоящих испытуемых меняли свое мнение на мнение коллективное. В тех же случаях, когда подставные участники эксперимента давали разные ответы, процент ошибок со стороны настоящих испытуемых принципиально снижался [49].

Эксперимент Аша показывал, что большинство людей склонны ориентироваться на мнение коллектива даже в том случае, если оно расходится с собственным восприятием. Коллективу люди доверяют больше, чем самим себе. Соответственно, мнение, представляемое через СМИ, в том числе при апелляции к социологическим замерам, в качестве позиции большинства будет восприниматься индивидуумом чаще всего в качестве своего. В применении к политическим технологиям эта констатация дает неограниченные возможности для выступлений владельцев ресурсов от имени большинства. Внутри государства – с позиций «большинства граждан», на мировом уровне – с позиций «международного сообщества».

Технологии навязывания мнения авторитетов

Один из наиболее известных учеников Аша Стенли Милгрэм продолжил на базе Йельского университета исследования по установлению влияния внешних социальных факторов на сознание человека. Но если эксперимент Аша был сосредоточен на выявлении влияния коллективного сознания, то эксперимент Милгрэма – влияния авторитетов. Эксперимент состоял в применении «учителями» наказания ученикам током за каждый неправильный ответ. Каждая новая ошибка повышала, по версии экспериментатора, напряжение в сети, а соответственно, получаемый болевой шок у учеников. Тока

на самом деле не было, но игравшие роль учеников актеры делали вид, что испытывали боль при получении ударов. Однако страдания не останавливали «учителей», и они в большинстве ориентировались на установку экспериментатора повышать силу напряжения.

Эксперимент был остановлен на уровне 450В, которого достигли 65% «учителей», готовых идти и дальше. Когда увеличивать ток требовал не экспериментатор, а один из группы испытуемых, ни один из других испытуемых на кнопку тока не нажимал, что подтверждало именно ориентацию на авторитет [51].

Эксперимент был повторен впоследствии другими группами экспериментаторов с несколько отличными условиями, но результат не изменился. Применительно к развитию технологий манипуляции массовым сознанием эксперимент Милгрэма доказывал установку мышления большинства населения на авторитеты. Проведение его в США опровергало представление о том, что автократичность сознания есть исключительная черта России или стран Востока. Практически полученные результаты указывали, что для управления массовыми настроениями целесообразно использование суждений авторитетов; или создание искусственных авторитетов, если таковые в обиходе группы манипуляторов отсутствуют. На феномене авторитарного сознания выстраивается, в частности, функционирование тоталитарных сект.

Технология «подавляющего меньшинства»

Серия экспериментов, объединенных общим понятием «подавляющее меньшинство», была проведена в 1969 г. под руководством известного французского психолога Сержа Московичи. Полученные результаты, на первый взгляд, диссонировали с результатами эксперимента Соломона Аша. Испытуемым показывали диски зеленого и голубого цветов, а «подсадные» участники эксперимента – мень-

шинство пытались повлиять на мнение группы, настаивая на принятии неверного ответа. Результатом проведенного эксперимента было то, что меньшинство действительно повлияло на мнение большинства вопреки собственным ощущениям индивидуумов и доминирующей коллективной позиции [50; 52].

Последующий анализ результатов эксперимента привел к выводам, что пропаганда со стороны меньшинства оказывается успешной, во-первых, при активном, до экзальтации и фанатизма, отстаивании им своей позиции, демонстрации абсолютной убежденности в правоте; во-вторых, при наличии хотя бы одного «перебежчика» со стороны группы большинства, наличия в нем потенциальных «диссидентов» – лиц, склонных к самовыражению через несогласие с доминирующим взглядом; в-третьих, при общем временном контексте ревизии устоявшихся взглядов (время проведения экспериментов Московичи было периодом студенческих беспорядков во Франции и волны неповиновений власти, охватившей значительную часть мира). Все эти выводы указывали, что мнение большинства может быть изменено при наличии активной и сплоченной группы меньшинства, атакующей коллективные позиции в качестве «лживых» или «устаревших». Выводы Московичи в этом отношении не отменяли результаты эксперимента Аша: большинство при монотонном процессе ориентируется на позиции большинства, но может быть выведено легко из состояния равновесия в ситуации трансформаций и при наличии целевого воздействия на его сознание со стороны группы одержимых пропагандистов.

Технологии средового влияния

Важное дополнение в определение влияния на сознание человека внешних общественных сред привнесла выдвинутая немецким политологом и социологом Элизабет Ноэль-Нойман концепция «спирали молчания». Сообразно с ней,

человек в большинстве случаев руководствуется страхом оказаться в изоляции к обществу. Он в определении своей позиции должен учитывать то, как она соотносится с позицией окружающих, дабы не подвергнуться бойкоту и ostracism. В соответствии с этой установкой он воздерживается от суждений и действий, которые идут вразрез с представлением о должном со стороны окружения. Индивидуум, как правило, молчит в тех случаях, когда высказываемое суждение вступает в диссонанс с системой представлений окружения. При активной стратегии он совершает поступки и делает высказывания, ориентируясь, прежде всего, на одобрение со стороны окружающих. Механизм одобрения/осуждения оказывается на практике весьма важным инструментом манипулирования массовым сознанием. При этом надо учитывать, что общественная среда формируется из многих ниш. Помимо непосредственного окружения человека, выделяются также ниши влияния общества в целом, средств массовой информации, социальных сетей, экспертов и др. [27].

При этом человек может находиться одновременно в различных, имеющих зачастую противоречащие ценностные позиции средах. Одобрение или осуждение с позиций одной среды для него оказывается более значимым фактором, чем с позиций другой. Человек может ориентироваться на мнение, позиционируемое как мнение большинства общества. Но возможна и такая ситуация, при которой межличностная поддержка группы, оппонировавшей большинству, для него может оказаться более значимой. С этой точки зрения ключевое значение имеет вовлечение человека в среду, с которой бы он в качестве окружения и идентифицировал бы себя. Одобрение/осуждение с позиции, идентифицируемой в качестве своей среды, и является в конечном итоге инструментом манипулятивного управления сознанием человека.

Технологии смены контекста

Классические гуманитарные науки опирались на текст, представлявший основной вид источника. Можно сказать, что культура модерна в этом смысле являлась культурой текстовой. В постклассической науке акцент переносится с текста на контекст. Обращается внимание, что при константности текста его смысловое содержание в случае смены контекста окажется изменено. Соответственно, в политическом преломлении такую смену можно осуществлять целевым образом [20].

Политические технологии смены контекста в настоящее время широко используются в информационных войнах. Технологический алгоритм соответствующих операций включает два этапа – деконтекстуализации и реконтекстуализации. Первоначально текст деконтекстуализируется, то есть выводится из пространства связанного с ним контекста. На следующем этапе он реконтекстуализируется, будучи соединен с новым контекстом, несущим семантику, желаемую для проектировщика.

Технологии повтора ключевых идеологем

То, что повтор идеологем играет зомбирующую по отношению к массовому сознанию роль, было известно давно. Фразой «Карфаген должен быть разрушен» Марк Порций Катон заканчивал, как известно, все свои речи. И благодаря его речам римское общество морально готовилось к войне, которая в итоге и началась в последний год жизни Катона. Метод повтора ключевых императивных положений активно использовался впоследствии в геббельсовской пропаганде. Когда из текста в текст следует повтор императивных призывов или маркирующих констатаций, то с течением времени это входит в сознание слушателя или читателя, вначале как знакомая формула, потом – принимаемая, потом – собственная, самоочевидная позиция [18].

Технологии символической маркировки

Важное место в манипулятивных технологиях занимают приемы символической маркировки. В политических конфликтах используется преимущественно язык символов. Сам по себе переход на язык символов является первым этапом развертки технологии символической маркировки. Далее символы дифференцируются на те, которые имеют позитивную и негативную коннотации. Когда такая дифференциация проведена, то формируется, сообразно с терминологией Ю. М. Лотмана, политическая семиосфера [22]. Она может быть выстроена на основе властного дискурса, оппозиционного и антисистемного (последний соотносится с понятием «подпольная семиосфера») [24]. Манипуляции массовым сознанием далее выстраиваются как игра символов. При необходимости рациональное в данном случае отключается, а символы складываются проектировщиками в желаемые «матричные мозаики» [5].

Технологии политической мифологизации

Политическая манипуляция массовым сознанием имманентно сопряжена с политической мифологией. Существует два основных подхода к раскрытию феномена мифа. Сообразно с первым миф есть вымысел, заведомая неправда. В этом своем качестве он всегда использовался как инструмент политической пропаганды. Но в раскрытии нашей темы более важна другая традиция раскрытия феномена мифа, – как особого образно-аллегорического типа мышления. Мифология в этом значении выступает фактически матричной основой формирования политических систем. Для большинства населения в рамках любого социума характерна доминанта наглядно-образного мышления, а соответственно, мифологическое мировосприятие. Мифологическое мировос-

приятие не было упразднено со сменой исторических эпох, но лишь трансформировалось за счет модификации мифов, замены одних мифологем другими. Через мифы в рамках политических систем осуществляется: легитимизация институтов; обоснование государственного единства; манифестация мы-идентичности; сакрализация фигур вождей, лидеров; предъявление образов героев, врагов, предателей; установление запретов, введение табу; обеспечение ритуалов политического участия; заявление своего отношения к прошлому и будущему.

Любой властный режим опирается на общественные мифы, которые, в свою очередь, сопряжены с символической матрицей социума, а та, в свою очередь, – с коллективным сознанием и коллективным бессознательным. Задача государства состоит в воспроизводстве соответствующей мифологии. Его противники будут, напротив, стремиться подорвать мифологическую матрицу. На первом этапе реализуемая ими установка – демифологизация, которая есть подрыв существующей политической системы. Потенциальный успех операции демифологизации связан с тем, что любая система по своим базовым основам мифологична. На втором этапе реализуется операция ремифологизация как технология смены одной политической идентичности на другую. Необходимость второго этапа заключается в том, что без мифов, исключительно на парадигме рационального сознания, сфера политического невозможно [33; 41].

Технологии политического спектакля

Режиссура политического процесса часто раскрывалась посредством метафоры театра. Уподобление театру являлось не просто фигурой речи. Уже в теории экспериментального революционного театра стиралась грань между сценой и миром. Значительный вклад в перенос метафоры театра в реалии управления обществом внес Ги Дебор, чьи методологические под-

ходы сыграли, в частности, заметную роль в режиссуре студенческих беспорядков во Франции 1968–1969 гг. [12].

Мир, с одной стороны, переносится на сцену, а театр, с другой, переносится на жизнь. Театральное действие характеризуется наличием режиссёрской постановки, распределением ролей, сценарным замыслом. Перенос этих условий на жизнь означает встраивание политического процесса в определенную сценарную логику с определенными ролевыми функциями. Принятие сценарной логики оппонентом означает его проигрыш в политической борьбе, так как он уже играет по чужому сценарию и часто по чужим правилам. Кто же устанавливает правила игры, тот в итоге и выигрывает. Соответственно, вопрос когнитивной борьбы есть вопрос об установлении своих правил и продвижении своего сценария.

По общей сценарной логике развертывались фактически все «цветные революции», свидетельствуя тем самым о наличии сценарного замысла и единых методик исполнения. В качестве детонатора выступления использовалось, как правило, обвинение в нарушении демократических принципов, чаще всего фальсификация выборов. Первоначально собирается масштабная, позиционируемая как мирная, протестная манифестация. Манифестанты объявляют о бессрочности своей акции, не расходятся и разбивают палаточный городок. Через оппозиционные СМИ проводится усиленное нагнетание ощущения угрозы подготавливаемого властью разгона демонстрантов. Сама же власть, не желая компроматации, воздерживается в действительности от применения силы против мирной демонстрации. Но это бездействие трактуется как ее нерешительность и сила оппозиции, что оборачивается потерей властью морального авторитета. Кровь же в итоге все равно проливается. Для этого еще со времен «бархатной весны» в сценарий оказываются включены стреляющие по своим провокаторы. По-

сле пролития крови разворачивается скоординированная информационная атака, изобличающая «кровавый» властный режим. Власть оказывается в полной растерянности и теряет контроль над ситуацией. Властные институты фактически парализуются. Между тем манифестанты атакуют властные структуры, захватывают здания. На этом этапе мирная акция уже теряет свой исходно ненасильственный характер и идет не по схеме ненасильственных революций, описанной Дж. Шарпом [42; 43; 44]. Деморализованная власть допускает уступки, соглашается на переговоры с манифестантами, признавая их в качестве субъекта политического диалога. Оппозицией формируется новое правительство. Прежние лидеры государства спасаются бегством либо берутся под арест. Государственный переворот является состоявшимся: конец действия, занавес [4; 17].

Смысловое суверенное государствостроительство против технологий манипуляций

Манипулирование сознанием в контексте развития современных технологий есть уже недостаточная характеристика возможности манипулянтов. Речь сегодня идет уже не о манипулировании, а о зомбировании сознания. Зомбирование тем легче осуществляется, когда человек оказывается атомизирован, вырван из системы социальных связей и оказывается захвачен водоворотом обрушивающейся на него информации. Главным же условием возможности манипуляции и зомбирования является обесмысливание бытия человека, репрессинг в отношении смыслов. Формируется культура, в которой смыслы изгоняются, как нечто скучное, немодное, отвлеченное от жизни, архаическое. Молодежь отучается не то что думать, а думать на уровне фундаментальных вопросов бытия.

Борьба со смыслами велась первоначально через установку деидеологизации,

но на сегодня она сменилась установкой постидеологии. Отличие постидеологии от идеологии состоит в неартикулируемости базовых ценностей и идей, их нерелексивности. Базовые ценности и идеи существуют, но они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, не требующее специального осмысления. Постидеология предоставляет фактически безграничные возможности для зомбирования, поскольку метафизический уровень сознания населения в рамках постидеологической модели оказывается абсолютно отключен.

Противостоять, соответственно, манипулятивным технологиям возможно только на основе восстановления больших смыслов, что предполагает новый поворот в направлении идеологии. Опыт распада СССР наглядно показывает, как проигрыш на уровне когнитивных матриц имел ключевое значение в поражении в «холодной войне». Ресуверенизация без реидеологизации, как показывает проведенный анализ, невозможна.

Статья поступила в редакцию 11.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
3. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
4. Багдасарян В. Э. Мир под прицелом революции. СПб.: Питер, 2017. 319 с.
5. Багдасарян В. Э. Политическая символика. М.: Инфра-М, 2017. 221 с.
6. Багдасарян В. Э. Ценностные основания государственной политики. М.: Инфра-М, 2018. 286 с.
7. Власенко И. С., Кирьянов М. В. Информационная война: искажение реальности. М.: Канцлер, 2011. 196 с.
8. Волковский Н. Л. История информационных войн: Т. 2 (XX век). СПб.: Полигон, 2003. 736 с.
9. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель-Observer. 2015. № 4 (303). С. 8–93.
10. Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. 422 с.
11. Гриньев С. Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск: Харвест, 2004. 448 с.
12. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.
13. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: МГУ, 1997. 344 с.
14. Жаров М., Шевяков Т. Хроники информационной войны. М.: Европа, 2009. 48 с.
15. Иванов А. М. Новым правым тридцать лет, 11.02.2011 [электронный ресурс] // Культурное обозрение. – URL: <http://cultoboz.ru/9/186-2011-02-11-23-39-53> (Дата обращения: 30.12.2019).
16. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
17. Кара-Мурза С. Г., Александров А. А., Мурашкин М. А. Революции на экспорт. М.: Алгоритм-Эксмо, 2006. 298 с.
18. Кормилицына Е. Г. Йозеф Геббельс. Особенности нацистского пиара. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 288 с.
19. Кузьминская С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 49–52.
20. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая. М.: Академический проект, 2014. 295 с.
21. Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 9: Июль 1904 – Март 1905. М.: Политиздат, 1967. С. 151–159.
22. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
23. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2012. 542 с.
24. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.

25. Мухин А. А. Информационная война в России. М.: Центр политической информации, 2000. 256 с.
26. Новиков В. К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2013. 264 с.
27. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Весь Мир, 1996. 352 с.
28. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. 495 с.
29. Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия. М.: Городец, 2004. 528 с.
30. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 264 с.
31. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003. 320 с.
32. Панарин И. Н., Панарина Л. Г. Информационная война и мир. М.: Олма-Пресс, 2003. 384 с.
33. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
34. Полтораков А. Ю. «Когнитивные войны»: парадигмальные трансформации политико-информационных противостояний // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях). Барнаул: Алтайский университет, 2012. С. 126–131.
35. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
36. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, 2000. 576 с.
37. Почепцов Г. Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. Харьков: Фолио, 2019. 313 с.
38. Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М.: СИНТЕГ, 2003. 408 с.
39. Работяжев Н. В. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М.: Наука, 2005. 326 с.
40. Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. 416 с.
41. Шайгородский Ю. Ж. Политика: взаимодействие реальности и мифа. Киев: Знання України, 2009. 400 с.
42. Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов? // Философские науки. 1990. № 11. С. 78–83.
43. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
44. Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 30–39.
45. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
46. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
47. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2017. 352 с.
48. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2013. 472 с.
49. Asch S. E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments // Guetzknow H., ed. Groups, Leadership and Men. Pittsburgh, PA, Carnegie Press, 1951. P. 222–236.
50. Gardikiotis A. «Minority influence» // Social And Personality Psychology Compass. 2011. № 5 (9). P. 679–693.
51. Milgram S. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. P. 371–378.
52. Muscovites S., Zavallona M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychologists. 1969. № 12. P. 125–135.

REFERENCES

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.
2. Aron R. *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst Publ., 1993. 303 p.
3. Bagdasaryan V. *Antirossiyskiye istoricheskiye mify* [Anti-Russian historical myths]. St.-Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
4. Bagdasaryan V. *Mir pod pritselom revolyutsii* [The world under the gun of revolution]. St.-Petersburg, Piter Publ., 2017. 319 p.
5. Bagdasaryan V. *Politicheskaya simbolika* [Political Symbols]. Moscow, Infra-M Publ., 2017. 221 p.
6. Bagdasaryan V. *Tsenostnyye osnovaniya gosudarstvennoy politiki* [Value Foundations of Public Policy]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 286 p.
7. Vlasenko I., Kiryanov M. *Informatsionnaya voyna: iskazheniye real'nosti* [Information warfare: a distortion of reality]. Moscow, Kantsler Publ., 2011. 196 p.
8. Volkovskiy N. *Istoriya informatsionnykh voyn* [History of Information Wars], vol. 2 (XX c.). St.-Petersburg, Poligon Publ., 2003. 736 p.
9. Volodenkov S., Fedorchenko S. [Overton's window - a manipulative matrix of political management]. In: *Obozrevatel'-Observer*, 2015, no. 4 (303), pp. 8–93.
10. Gramsci A. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 422 p.
11. Grinyayev S. *Pole bitvy — kiberprostranstvo: teoriya, priyomy, sredstva, metody i sistemy vedeniya informatsionnoy voyny* [The Battlefield – Cyberspace: theory, methods, means, methods and systems of information warfare]. Minsk, Kharvest Publ., 2004. 448 p.
12. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 1999. 224 p.
13. Dotsenko E. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Defense]. Moscow, MGU Publ., 1997. 344 p.
14. Zharov M., Shevyakov T. *Khroniki informatsionnoy voyny* [Chronicles of the Information War]. Moscow, Evropa Publ., 2009. 48 p.
15. Ivanov A. [New Right thirty years, 11.02.2011]. In: *Kulturnoe obozrenie* [Cultural Review]. Available at: <http://cultoboz.ru/9/186-2011-02-11-23-39-53> (accessed: 30.12.2019).
16. Kara-Murza S. *Manipulyatsiya soznaniyem* [Consciousness manipulation]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 832 p.
17. Kara-Murza S., Aleksandrov A., Murashkin M., Telegin S. *Revolutsii na eksport* [Revolution for export]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 298 p.
18. Kormilitsyna E. G. *Yozef Gebbel's. Osobennosti natsistskogo piara* [Joseph Goebbels. Features of Nazi PR]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2011. 288 p.
19. Kuz'minskaya S. [“Image of the enemy” in modern political mythology]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2016, no. 3, pp. 49–52.
20. Lebedev S., Kos'kov S. *Epistemologiya i filosofiya nauki: klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology and philosophy of science: classic and non-classic]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2014. 295 p.
21. Lenin V. [The Fall of Port Arthur]. In: Lenin V. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full composition of writings], vol. 9 (1904 July to 1905 Mart). Moscow, Politizdat Publ., 1967, pp. 151–159.
22. Lotman Yu. *Semiosfera* [Semiosphere]. St.-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000. 704 p.
23. Manoylo A., Petrenko A., Frolov D. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [State Information Policy in the Information and Psychological War]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2012. 542 p.
24. Mogil'ner M. *Podelit'sya Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: radikal'nyy mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the “underground man”: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as a subject of semiotic analysis]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 1999. 208 p.
25. Mukhin A. *Informatsionnaya voyna v Rossii* [Information war in Russia]. Moscow, Tsentr politicheskoy informatsii Publ., 2000. 256 p.
26. Novikov V. *Informatsionnoye oruzhiye – oruzhiye sovremennykh i budushchikh voyn* [Information weapons – weapons of modern and future wars]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2013. 264 p.

27. Noelle-Neumann E. *Obshchestvennoye mneniye. Otkrytiye spirali molchaniya* [Public opinion. Opening the spiral of silence]. Moscow, Ves' Mir Publ., 1996. 352 p.
28. Veprintsev V., Manoylo A., Petrenko A., Frolov D. *Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Operations of the Information-Psychological War: A Brief Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2011. 495 p.
29. Panarin I. *Informatsionnaya voyna i diplomatiya* [Information war and diplomacy]. Moscow, Gorodets Publ., 2004. 528 p.
30. Panarin I. *Informatsionnaya voyna, PR i mirovaya politika* [Information war, PR and world politics]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2006. 264 p.
31. Panarin I. *Tekhnologiya informatsionnoy voyny* [Information war technology]. Moscow, KSP+ Publ., 2003. 320 p.
32. Panarin I. N., Panarina L. *Informatsionnaya voyna i mir* [Information war and peace]. M.: Olma-Press, 2003. 384 s.
33. Polosin V. *Mif. Religiya. Gosudarstvo: issledovaniye politicheskoy mifologii* [Myth. Religion. State: A Study of Political Mythology]. Moscow, Lodomir Publ., 1999. 440 p.
34. Poltorakov A. [Cognitive Wars: A Paradigm Transformation of Political-Information Confrontations]. In: *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Informatsionnyye voyny v mezhdunarodnykh otnosheniyakh)* [Modern Russia and the World: Development Alternatives (Information Wars in International Relations)]. Barnaul, Altayskiy universitet, 2012, pp. 126–131.
35. Pocheptsov G. *Informatsionnyye voyny. Novyy instrument politiki* [Information warfare. New policy tool]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 256 p.
36. Pocheptsov G. *Informatsionnyye voyny. Osnovy voyenno-kommunikativnykh issledovaniy* [Information warfare. Fundamentals of Military Communication Studies]. Moscow, Refl-buk Publ., 2000. 576 p.
37. Pocheptsov G. *Kognitivnyye voyny v sotsmedia, massovoy kul'ture i massovykh kommunikatsiyakh* [Cognitive wars in social media, mass culture and mass communication]. Khar'kov, Folio Publ., 2019. 313 p.
38. Prokof'yev V. *Taynoye oruzhiye informatsionnoy voyny: ataka na podsoznaniye* [Secret weapon of information warfare: attack on the subconscious]. Moscow, SINTEG Publ., 2003. 408 p.
39. Rabotyzhev N. *Fenomen totalitarizma: politicheskaya teoriya i istoricheskiye metamorfozy* [The phenomenon of totalitarianism: political theory and historical metamorphoses]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 326 p.
40. Rastorguyev S. *Informatsionnaya voyna* [Information war]. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 1999. 416 p.
41. Shaygorodskiy Yu. *Politika: vzaimodeystviye real'nosti i mifa* [Politics: the interaction of reality and myth]. Kiev: Znannya Ukraïni Publ., 2009. 400 p.
42. Sharp G. [Non-violent struggle: the best way to resolve acute political and ethical conflicts?] In: *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences], 1990, no. 11, pp. 78–83.
43. Sharp G. *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya* [From dictatorship to democracy: strategy and tactics of liberation]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2005. 84 p.
44. Sharp G. [The role of power in nonviolent struggle]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1992, no. 8, pp. 30–39.
45. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., 2000. 336 p.
46. Jung C. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991. 304 p.
47. Jung C. G. *Chelovek i yego simvol* [Man and his symbols]. Moscow, Serebryanye niti Publ., 2017. 352 p.
48. Yakunin V., Bagdasaryan V., Sulakshin S. *Novyye tekhnologii bor'by s rossiyskoy gosudarstvennost'yu* [New technologies to combat Russian statehood]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 472 p.
49. Asch S. E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments. In: *Guetzknow H., ed. Groups, Leadership and Men*. Pittsburgh, PA, Carnegie Press, 1951, pp. 222–236.
50. Gardikiotis A. «Minority influence». In: *Social And Personality Psychology Compass*, 2011, no. 5 (9), pp. 679–693.
51. Milgram S. Behavioral Study of Obedience. In: *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, no. 67, pp. 371–378.
52. Muscovites S., Zavallona M. The group as a polarizer of attitudes. In: *Journal of Personality and Social Psychologists*, 1969, no. 12, pp. 125–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Cognitive matrices of manipulation technologies in wars and revolutions of a new type. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 8–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23